

ТЮРКСЬКІ МОВИ

УДК 808

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2020.3-1/40>

Абдуллаева Гызылгюль

Бакинский государственный университет

ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ПРИНЦИПАМ КЛАССИФИКАЦИИ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ XVII ВЕКА

Мета статті – проаналізувати принципи класифікації пропозицій. Зазначається, що фактори зумовлюють нормативність в удосконаленні мовної структури пропозицій, що пов'язано із побудовою граматичних взаємозв'язків на національних обґрунтуваннях.

Підкреслюється, що у морфологічних показниках частин мови спостерігається переважання національної мови над іноземною, її витіснення, завантаженість національним змістом синтаксичний зв'язків, зокрема управління дієсловами і перетворення у реальність, а також інші питання, які визначають стабільність пропозицій, зокрема головних членів, що забезпечують сутність пропозиції, а також другорядних пропозицій, які залежать від них, допомагають розширенню навколишнього середовища його комунікативної функції.

Автор вів дослідження на основі мовного матеріалу XVII століття. Використовуючи методи порівняльного аналізу з сучасною азербайджанською літературною мовою, було виявлено еквівалентність і відмінність.

Новизна у статті визначається тим, що інверсія всередині пропозиції така ж, як і в живої розмовної мови. У результаті спостереження над структурним семантичним вдосконаленням пропозицій в азербайджанській літературній мові XVII століття також виявляється, що усі види пропозицій продовжують зберігати свої структурні, а також етнічно-культурологічні прикмети.

Висновки. Зазначається, що усі види складних підрядних речень, хоча вони і обґрунтовані на мові пам'яток цього періоду, проте підрядне речення доповнення за кількістю відрізняється від інших. Найважливіше те, що синтаксис пропозицій на азербайджанській літературній мові XVII століття не має значення ні в простому, ні в складному реченнях, оскільки усі вони зберігають етнічно-культурологічні ознаки. Незважаючи на те, що від XXI століття сплило досить часу, усі види пропозицій, розділені за принципами класифікації, порівняно із сучасною азербайджанською літературною мовою не виявляють особливих відмінностей.

Ключові слова: пропозиція, принципи класифікації пропозицій, мета та інтонація, модальність, членування, головні члени, синтаксична будова, морфологічні показники, удосконалення мови, жива розмовна мова, нормативність, семантика, норма літературної мови.

Постановка проблеми. «Объективность языка состоит в том, что «звук сливается со звуком, не исчезает, а именно сливается и возникает новый звуковой комплекс. Звуковые комплексы создают слово, а слова – предложение» [1, с. 47]. Предложения в свою очередь превращаются в мысль – ведущий фактор коммуникативной функции языка.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследования выявляют, что предложения в синтаксической модели азербайджанского литературного языка XVII века со структурной точки зрения сохраняют свою стабильность

и национальность. В основном развитие происходит с семантической позиции, где основную роль играют члены предложения.

Исторический уровень развития членов предложений дает возможность провести его семантическое совершенствование. Факторы, обуславливающие нормативность в этом совершенствовании, связаны с построением грамматических взаимосвязей на национальных обоснованиях.

В морфологических показателях частей речи преимущественным является преобладание национального языка над иностранным, его вытеснение, загруженность национальным содержанием

синтактичних зв'язей, в частности управління глаголами и превращение данного в реальность и другие вопросы, которые определяют стабильность предложений, в частности главных членов, обеспечивающих сущность предложения, а также второстепенных предложений, зависящих от них, однако помогающих расширению окружающей среды его коммуникативной функции.

В структуре и в функции выражения предложения существенных изменений не видно. Как и в современном азербайджанском языке, все члены предложения выражаются частями речи или словосочетаниями. Что касается предложения, то можно сказать, что все его типы и со структурной, и с семантической точки зрения имеют место в синтаксической модели XVII века. Если быть более конкретным, то виды предложений, отражающие в себе все принципы классификации предложения, в этом периоде этапа усовершенствования завоёвывают окружение, и каждый из них представляет определенность в языковом материале XVII века.

Степень разработанности темы. По намерениям и интонациям все виды предложений встречаются в синтаксической системе азербайджанского литературного языка XVII века. В первую очередь отметим, что в азербайджанском языке по принципу данной классификации, хотя и показано четыре вида предложений (повествовательный, вопросительный, повелительный и восклицательный), но в некоторых тюркских языках указывается на три из них.

Восклицательные предложения конкретно не располагаются в данном ряду. Турецкий, гагаузский, туркменский языки могут послужить примером [7, с. 16–17]. В связи с этим мнение А. Н. Баскакова вызывает особый интерес. Хотя он по данному принципу классификации в упорядочении не представил повествовательные предложения, однако под названием модальности затрагивает его варианты утверждения и отрицания [2, с. 12–36].

Повествовательные предложения по широте своей сферы окружения превосходят другие. Это богатство с точки зрения содержания и структуры полностью охватывает повествовательные предложения. Здесь участвуют и глагольные, и существительные изъявительные повествовательные предложения. Исследования определили, что данные виды повествовательных предложений для различных жанров (и для классических, и для жанров народных стихов) являются ведущими.

Изложение основного материала. Повествовательные предложения с изъявительным глаголом:

Nagəhan bir neçə qonaq gəldi; Axçanı aldı, qoydu cibinə [9, с. 298] (Внезапно пришли несколько гостей, взяли деньги и положили в карман).

Повествовательные предложения с изъявительным существительным: *Təxsis ki, biz büzürgüvaruz (Мы те, кто на высоком положении), Mə'rufü şəhiri-ruzigaruz (Мы почетные знаменитости)* [13, с. 60]; *Vəşfinin nəqli bilə dəmsazam (Я собеседник с красотой)* [9, с. 299].

Все виды предложений, в частности повествовательные предложения, также не проходят мимо инверсии, свойственной живой разговорной речи. Инверсия грамматических аффиксов в изъявлении повествовательных предложений:

görmüşdülər → görmüşlər idi [13, с. 151]

Инверсия членов предложений. Последняя в синтаксической системе азербайджанского литературного языка XVII века является инверсией. В которой наблюдается количественное большинство:

Kim qapu açub girir bu bağə, Bülbülnü fəda edər bu zağə [13, с. 259] (Кто входит в этот сад, тот приносит в жертву своего соловья). Сравним: *Кто с уважением войдет в мой дом, тому и жизни не пожалю* (Образец взят с живой разговорной речи).

Построение в точности является инверсией живой разговорной речи. Оно направлено на уплотнение азербайджанского литературного языка XVII века в синтаксической системе.

Повелительные предложения являются видами предложений по частоте использования исходящих после повествовательных предложений, однако имеющих достаточно широкое окружение. В современном азербайджанском языке группа лиц только внутри изъявительных глаголов по своим аффиксам демонстрирует дифференциальность (-*ğil*, -*gil*; -*ginən*; -*gilən*; -*ayım*, -*ayım*; -*alım*, -*əlīm*).

Сегодня привлекает внимание не учет на уровне нормы литературного языка этих аффиксальных морфем, превративших и представивших различие в реальность, то есть упорядочивание в морфологическом ряду архаизмов, исключаясь из языка. Также отметим, что иногда часть этих аффиксальных морфем (например, -*ğil*, -*gil*) представляет и повелительную часть речи [4, с. 203]. Тогда получается, что и другие представленные аффиксы – также повелительные части речи.

По нашему мнению, эти морфологические показатели при изменении корня глагола из-за личности являются личными аффиксами, присоединяющимися к ним. Они создают расхождение не только в литературном языке XVII века,

но и между классическим литературным языком и современным азербайджанским литературным языком, участвует в создании повелительных предложений:

Eyləməgil, bağban, ərz təhəmmülün köp [9, с. 55] (Садовник, не хвались терпением); *Gəldi, budur, olgılan xəbərdar* (Знай, вот оно пришло) [13, с. 201]; *Tutginən bir yerdə sən, ey mərkəzi-təmkin, qərar* (Будь терпеливым, подожди) [QD, с. 24]; *Daxi çəkməyəlim ənduhü qeyqu* [10, с. 53] (Чтоб не грустить и не печалиться).

Повелительные предложения, полностью совпадающие с современным языком, также можно заметить в языке представителей XVII века. С точки зрения грамматических показателей в сказуемом предложения (или с точки зрения наличия) мы подразумеваем идентичность. Повелительное предложение, сказуемое которого используется (и в утвердительном, и в отрицательном) в единственном числе II лица: *Çəkil, rədd ol, mənə etmə nəsihət* [10, с. 10] (Убирайся прочь, не давай мне советы).

Вопросительные предложения, как и в современном языке, строятся тремя способами:

1. С вопросительными местоимениями:

Ey qibleyi-ümmid, kiminlə nəzərin var? (Эй, источник надежды, кем ты занят?) [17, с. 31]; *Neçün anın yanında bir dəm göz açmanam mən?* (Почему подле него я не смею открывать глаза?) [16, с. 176].

В современном языке отличие среди вопросительных местоимений, участвующих в создании вопросительных предложений и на фонетическом уровне, и на лексическом уровне, связано с архаичностью местоимений. Вопросительные местоимения *Nerde, neçük, haşan, qaşan, pöşün* (где, когда, почему, зачем) могут послужить этому примером: *Nöşün bundan əgər qılsa nəzarə, Nərat yolu görünüb aşkarə* (Если дорогу гарема видно хорошо, то почему убрал взгляд с нее) [10, с. 41].

2. С вопросительными частями речи:

Məgər mehmannavazlıqda qüsur var?; Bu dərdə varmı ola heç dərman? [10, с. 18, 19] (В гостеприимстве имеются недостатки? Можно ли это исправить?).

То же самое можно отнести и к вопросительным предложениям. Возможны незначительные отклонения, что связано с участием архаичных местоимений. В целом с точки зрения общности совпадения составляют преимущество.

3. С интонацией.

В азербайджанском литературном языке XVII века вопросительные предложения, построенные

с вопросительными местоимениями и вопросительными частями речи, составляют плотность. Хотя и отмечаются вопросительные предложения, созданные с интонацией, во время разговора о данном виде предложения по намерениям и интонации, оно не демонстрирует интенсивности.

Это в свою очередь объясняется тем, что вопросительные предложения, создавшие реальность путем интонации с точки зрения количества в образцах литературно-художественного языка XVII века, наблюдается в меньшинстве. Те, которые встречаются, определены на языке двуступня, выражающего язык повествования:

Bu halinlə bizi şəkkə salıbsan?; Kim idi? – Söylədi sultan. O övrət? Özü öz oğluna eylədi töhmət? [10, с. 18, 132] (Своим состоянием ты нас в чем-то подозреваешь? Кто это? – Спросил султан. Та женщина? Сам же упрекнул собственного сына?)

Как и в современном азербайджанском литературном языке, вопросительные предложения попарные с вопросительными частями речи и вопросительными местоимениями, отмечаются в языковых материалах XVII века: *Gər umarsan əql məndən, bəs neçün etdin əsir?* [16, с. 179] (Если тебе нужен мой ум, то почему взял меня в плен?).

В данном предложении мы встречаемся с вопросительной частью речи и заменой звука *bəs* (то), имеющими место на уровне нормы литературного языка, а также с вопросительным местоимением *neçün* (нə üçün? → n^ə + çün = neçün?) (почему?), подвергшееся исключению звука, сохранившееся на нашем языке с одинаковым фонетическим составом. Также отметим, что такая парность в вопросительных предложениях является частым фактором, встречающимся в азербайджанском литературном языке XVII века.

Что же касается *восклицательных предложений*, как и в современном языке, так в источниках XVII века, встречаются восклицательные предложения с интонациями (*Qəzəblə söylədi şah Vəxtiyarə: “Ayıl bir xəbidən, ey bəxti qarə!”*) (Проснись, несчастный) [10, с. 27] и при помощи восклицательных слов (*Aşiq deyər dil ey vay, Yaman keçdi il, ey vay! Bir bağa bağban oldum, Heç dərmədim gül, ey vay!* – Sarı Aşiq [15, с. 50].

Первое предложение по повелительности, настойчивости является повелительным предложением. Придавая каждому виду предложения чувство-тревогу, можно его превратить в восклицательное предложение. Другой факт в относительном сравнении – это преимущество восклицательных предложений, созданных с интонацией

над восклицательными предложениями, которые состоят из восклицательных слов.

По модальности оба вида, вошедшие в принцип классификации, также встречаются в источниках XVII века. Они состоят из утвердительных (*Qanə döndi yürəgim sibi-zənəxdanın içün – Rəhməti Paşa*) [14, с. 68] (Из-за твоего алого лица мое сердце кровью облилось) и отрицательных (*Nihan tutma, bizi eylə xəbərdar – Fədəi*) [10, с. 18] (Не скрывай, дай нам знать) предложений.

В синтаксической структуре XVII века определенность отрицательных предложений с различными средствами воссоединяются с реальностью. В первую очередь, для всех исторических периодов, а также для нашего современного языка отмечается участие аффиксальных морфем в создании отрицательных предложений, обозначающих отрицательность и являющихся нормой литературного языка. Это морфологические показатели *-ma, -mə, -m*: *Belə birəhm əgər baxar qəmzən, Tökə bilməz əlinə su qəssab* (Мəсzub) [14, с. 186] (Если сможешь безжалостно так смотреть, мясник не сможет полить воду тебе на руки).

Также привлекает внимание наличие одним из средств, обеспечивающих реальность отрицательного вида модальности отрицательным союзом: *Nə işvədir, nə adət, nə əcəb rəvişdürür bu* [14, с. 176] (Какое изящество, какой обычай, какая прекрасная походка).

В ряду средств, обуславливающих возникновение отрицательности, привлекает внимание участие слов, обозначающих отрицание: *Həddi yoxdur heç kimin dəm urmağa* [9, с. 118]; *Yoqdur mənə bir rəfiqi-qəmtaş* [13, с. 40] *Heç kimin həddi yoxdur danışmağa, mənə qəm yoldaşı yoxdur* (Никто не смеет говорить, некому разделить со мной горе).

По модальности в отрицание видов предложений, превращающих принципы классификации в реальность, конкретно после сказуемого *-dir⁴* идущий после слова «нет» – одного из факторов, создающих отрицание III лица. Также видим фоноформу, свойственную живому разговорному языку морфологического показателя. Если выразиться более конкретно, это переходы *-dir⁴ → -di⁴*.

Ona söylə ki, məndə yoxdu təqsir [11, с. 31] (Скажи ей (ему), что я ни в чем не виноват(а)).

Также отмечаем отдельное использование отрицательного сказуемого «*yox*» (нет) от других сказуемых аффиксов:

Bu bir fitnə ki, misli yox_{dur} cahanda [11, с. 30] (Аналога такой низости нет в мире).

То же самое можно встретить и в утвердительном предложении. То есть и в сказуемом утвердительных предложений языковых материалов XVII века аффикс, создающий предикативность, представляет выпуск аффиксальных морфем. Например: *Сказал: “Bunlar təmam əfsanə sözlər_{dir}”* [11, с. 31] (Все это мифические слова).

Этот выпуск является выпуском аффикса сказуемого, применяемого для сохранения рифмы. В целом они являются свойствами живого разговорного языка, который и по сей день играет ведущую роль в языке. Также отметим, что это один из древних факторов, свойственный предложению. Можно это заметить и в языке наших классиков, и в языке древних тюркских письменных памятников [*Az atlıg korkınçın yook, uçruğluğ kutunq yook – tir / Az atlı (olmağın) qorxusu yox, ucalan bəxtin yox** [3, с. 81].

На древнем тюркском языке такого типа предложения систематизированы. К. Мусаев отмечает разделение такого типа предикативности по смысловым оттенкам. Он на основе выделенных образцов предложений из караимского языка выделяет предикативность, создаваемую словами “*var*”, “*yox*” («да», «нет») с присутствующей предикативностью, а предикативность, создаваемую лексическими фактами типа “*kerek*”, согласует с предикативностью, которая означает важность и относит это к модальной предикативности [6, с. 309].

В образцах литературно-художественного языка XVII, несмотря на наличие всех вариантов этого предложения, возникновение отрицательных предложений морфологическим путем кажется намного сильнее. Модальность внутри предложения в действительности наряду с утверждением и отрицанием также определяется субъективностью и объективностью.

С точки зрения отношения к высказанной мысли, модальность, будучи «объективной» и «субъективной» модальностью, делиться на две части. Эта двоичность реализуется путем участия модальных слов в предложении. Если участие модальных слов представляет собой наличие субъективной модальности, то модальность в предложениях, оставшихся без участия, принимаются как объективная модальность. По мнению исследователя С. Велиева, ввиду того, что во всех предложениях в малой и большой степени имеется модальность, его можно отнести к синтаксической категории [8, с. 21].

* Перевод наш.

Типы предложений *по участию главных членов* также встречаются в письменных источниках XVII века. Это «парносоставные» и «единосоставные» предложения. По количеству сравнений обоих предложений выявляют преимущество парносоставные предложения. Что касается внутреннего сравнения единосоставных предложений по типам, то результаты выявляют, что неопределенно-личные предложения в синтаксической структуре азербайджанского литературного языка составляют количественное большинство.

Естественно, плотность образцов, отмеченных в языке письменных памятников периода нашего исследования, дают основания выдвинуть данную мысль: *Сказали*: “Qıbləgaha, uşa yüz il”; *Сказали*: “Nəsnəmiz yox sənə layiq”; *Сказали*: “Noldu sənə, söylə doğru!” [10, с. 24, 37, 39] (Падишах, живи сто лет!), (Нет ничего подходящего тебе), (Что с тобой, скажи правду).

В синтаксической структуре азербайджанского литературного языка XVII века встречаются такие типы предложений, которые на 100% сходятся с неопределенно-личными предложениями, однако, выполняя функцию пояснения в роли подлежащего предыдущего предложения, ввиду перевоплощения в подлежащее сказуемого второго предложения полностью лишают неопределенности того предложения.

Например:

Olub bu fitnədə hamısı əlbir (Все приложили руку к этой интриге).

Haman dəm tökdülər bir gizli tədbir [10, с. 26] (В тот же миг организовали тайное мероприятие).

Если бы сверху не было первого предложения, то второе предложение было бы принято как неопределенно-личное. Как видно из представленного образца, подлежащее “hamısı” (все) сказуемого “əlbir olub” (приложили руку) первого предложения лексическая единица наряду с первым предложением выступает как подлежащее сказуемого “tədbir tökdülər” (организовали мероприятие), отмеченного во втором предложении. Именно по этой причине во втором предложении нет места неопределенности.

По участию второстепенных членов виды предложений с «кратким» и «широким» составом используются в азербайджанском литературном языке XVII века. Эти виды предложений в промежутке времени, о котором идет речь, чередуются, демонстрируя интенсивность: *Cümlənin bu növləri haqqında danışılan zaman kəsiyində intensivlik nümayiş etdirərək bir-biri ilə növbələşir*.

Здесь привлекают внимание широтой своей окружающей среды парносоставные краткие предложения *Çətindir vəsfni almaq bəyanə* (Трудно изложить vəsf) [10, с. 9]; *Ömrün binası qaib olub* (Исчезло здание жизни) [14, с. 153] и парносоставные широкие предложения (*Qafil yuxusu aqili qəflətdən oyadur* (Внезапный сон пробуждает человека из-за пренебрежения) – Məczub, [14, с. 187]; *Dur salma tənə bu bəd gümanə* (Проснись, не наводи на меня дурные мысли) – Məsihi [13, с. 82].

Определяется, что в отношении широкие предложения своим количеством преобладают над краткими предложениями. Естественно, что семантика предложений (назначение, дополнение и обстоятельство) с семантикой представленной подлежащей и сказуемым не отражают одинаковую функциональность. Ясно, что семантический груз как итог тесной логико-грамматической связи между второстепенными членами субъекта и предиката более силен и еще дает толчок эластичности предложения.

По расчленению принцип классификации со всеми своими видами (подразумеваются расчлененные и нерасчлененные предложения) не входят в синтаксическую модель XVII века. Источники XVII века строятся на одном виде данной классификации – «расчлененных предложениях». Нерасчлененные предложения, реализующиеся в основном в диалогах, на языке стихов XVII века не отмечаются.

В эпосах же можно встретить такого типа предложения, построенные в основном на утвердительных и отрицательных частях речи модальных слов. Например:

Кероглы сказал:

– Раз не говоришь, значит боишься.

Кероглы сказал:

– Нет, бог троицу любит.

Или:

Встал, сказал:

– Молодец, достаточно.

Кероглы сказал:

– Нет, еще раз схватимся [12, с. 283].

Слова «нет» в обоих предложениях могут быть отнесены не к расчлененным предложениям. В первом диалоге лексическая единица “qorxmuram” (не боюсь), а в другом “bəs deyil” (не хватить) выступают в качестве заменителей предложений. В виду использования в узком кругу тип предложений «слово-предложение», «заменители предложения», «нерасчлененные предложения» в лингвистике, они не демонстрируют интенсивности в языковых материалах XVII века.

Вокативные предложения, принятые некоторыми исследователями как один из видов расчлененных предложений [5, с. 204], не встречается в синтаксической структуре азербайджанского литературного языка XVII века.

По построению типы предложений также занимают довольно объемное место в языковых материалах XVII века. *Простые* и *сложные* предложения в целом как на азербайджанском литературном языке, так и в языковых материалах XVII века также давно используются со всеми видами и структурными строениями.

С условием исключения текстового классицизма и некоторых архаических фактов по сравнению с современным азербайджанским литературным языком эквивалентность достаточно преобладает над дифференциальностью. То есть таких существенных отличий не отмечается. Простое предложение на азербайджанском литературном языке XVII века с инверсией живого разговорного языка, а также со своей структурой такое же, как и на нашем современном языке: *Atası oldu bu işdən xəbərdar* [11, с. 89]; *Yar təsiri-məhəbbətdin tanur* [9, с. 163] (Отец его узнал об этом), (Суженый выдает себя под влиянием любви).

Сложные предложения (и подчиненные, и не подчиненные) со всеми своими видами отражаются в синтаксической системе азербайджанского литературного языка XVII века и проявляют себя всем окружением. Естественно, что для выражения мыслей достаточно простых предложений. Однако взаимосвязанное представление простых предложений с точки зрения смысла и интонации создают целостность, дает больше возможностей оратору для демонстрации логической последовательности. Хотя сложные предложения также построены из отдельных предложений, монолитность предложения в результате взаимосвязи дает обобщенный смысл, что обеспечивает расширение возможностей актуального членения.

Неподчиненные сложные предложения:

Günəş tutuldu, aləm oldu zülmat [10, с. 115] (Солнце затмилось, кругом стало темным-темно).

Подчиненные сложные предложения по своему строению также демонстрируют интенсивность, что наблюдается в языке представителей XVII века (*Qorxum oldur kim, təbibim əl çəkib bikar ola* (Боюсь, что мой лекарь останется без работы) (придаточное сказуемое предложение); *Yüz ildir kim, mənə xurşid iqbal eyeləmiş* (Сто лет уже солнце повернулось ко мне) (придаточное подлежащее предложение) – *Qövsü Təbrizi “Divanı”* [16, с. 269, 262]; *Əgər səbr ilə rəftar etsən əl'ən, Daha olmazsan axırda pəşiman* (şərt budaq cümləsi). Если всегда будешь разговаривать терпеливо, в итоге не пожалеешь) [10, с. 10].

Выводы и предложения. Ввиду того, что наша цель, основываясь на языковых материалах XVII века, состоит из представления расхождений предложений по принципам классификации, мы считаем целесообразным удовлетвориться схематическими данными. Однако еще раз хотим отметить, что все виды сложных подчиненных предложений по придаточным предложениям, хотя и обоснованы на языке памятников этого периода, однако придаточное предложение-дополнение по количеству отличается от других.

Самое важное то, что синтаксис предложения на азербайджанском литературном языке XVII века не имеет значения ни в простом предложении, ни в сложном предложении. Все они сохраняют этнически-культурологические признаки [4, с. 117]. Исследования также определили, что, хотя от XVII века нас отделяет несколько веков, но все виды предложений, разделенные по принципам классификации, по сравнению с современным азербайджанским литературным языком не выявляют особых отличий.

Отмеченные отличия носят такой эпизодический характер, что незаметны рядом с эквивалентностью. Также неоспоримо то, что преимущество эквивалентности тоже представляет сущность азербайджанского литературного языка, стабилизированного в тот период.

Список литературы:

1. Abdulla K. (2010). *Abdulla K. [Journey to Linguistics. Baku : Translator]. Dilçiliyə səyahət. Bakı : Mütərcim, 200 s.*
2. Баскаков А. Н. (1984). *Baskakov A. N. [Suggestion in modern Turkish. Moscow : Nauka]. Предложение в современном турецком языке. Москва : Наука, 200 с.*
3. Quliyev Ə. (1992), *Guliyev A. [A collection of ancient Turkish written monuments. Baku : Baku University Publishing House], Əski türk yazılı abidələri müntəxabatı. Bakı : Bakı Universiteti Nəşriyyatı, 280 s.*
4. Наси́ев Т. (2012), *Hajiyev T. [History of Azerbaijan literary language. I h. Baku : Elm], Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi. I h. Bakı : Elm, 476 s.*
5. Kazımov Q. (2007), *Kazimov G. [Modern Azerbaijani language. Baku : Tahsil Publishing House]. Müasir Azərbaycan dili. Bakı : Təhsil nəşriyyatı, 496 s.*

6. Мусаев К. (1964), *Мусаев К. [Grammar of the Karaim language. Moscow : Nauka]*. Грамматика караимского языка. Москва : Наука, 344 с.
7. Покровская Л. А. (1978), *Pokrovskaya L. A. [The syntax of the Gagauz language in comparative enlightenment. Moscow : Nauka]*. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. Москва : Наука, 203 с.
8. Vəliyev S. (2005), *Valiyev S. [Simple sentence in Turkish languages. Baku : Nurlan]*. Türk dillərində sadə cümlə. Bakı : Nurlan, 340 s.
9. Əmani. (1983), *Amani, [Works (Compiled by A.Safarli). Baku: Yazıçı]*, Əsərləri (Tərtibçi Ə.Səfərlidir). Bakı: Yazıçı, 339 s.
10. Fədəi (1957), *Fadai [Baxtiarname (Compiled by G. Mammadli). Baku : East-West]*. Bəxtiyarname (Tərtibçi Q.Məmmədlidir). Bakı : Azərbaycan Universiteti nəşriyyatı, 155 s.
11. Fədəi (2004), *Fadai [Baxtiarname (Compiled by G. Mammadli). Baku : East-West]*. Bəxtiyarname (Tərtibçi Q.Məmmədlidir). Bakı : Azərbaycan Universiteti nəşriyyatı,
12. Təhmasib M. H. (1975). *Tahmasib M. H. [Koroğlu. Baku : Ganjlik]*. Koroğlu. Bakı : Gənclik, 364 s.
13. Məsihi (1977). *Masihi [Varga and Gulsha (Compiled by A. Safarli). Baku : Azerneshr]*. Vərqa və Gülşa (Tərtibçi Ə.Səfərlidir). Bakı : Azərnəşr, 288 s.
14. Kərimov P., Hüseyn M. (2008). *Karimov P., Husein M. [Azerbaijani lyrics of the XVII century. Baku : Nurlan]*. XVII əsr Azərbaycan lirikası. Bakı : Nurlan, 340 s.
15. Sarı Aşıq (1993). *Saru Ashug [Selected bayats (Compiled by H. Kurdoglu). Baku : Sabah]*. Seçmə bayatılar (Tərtibçi H.Kürdoğludur). Bakı : Sabah, 119 s.
16. Təbrizi Qövsü (2005). *Tabrizi Govsi. [Divan (Compiled by P. Kerimov). Baku : Nurlan]*, Divan (Tərtibçi P. Kərimov). Bakı : Nurlan, 449 s.
17. Təbrizi Qövsü. (1958). *Tabrizi Govsi [Selected works (Compiled by H. Arasli). Baku : Azerbaijan University Publishing House]*. Seçilmiş əsərləri (Tərtibçi H. Araslıdır). Bakı : Azərbaycan Universiteti nəşriyyatı, 191 s.

Abdullayev Gizilgul. TYPES OF PROPOSALS TO THE PRINCIPLES OF THE CLASSIFICATION THE SYNTACTIC STRUCTURE OF THE XVII CENTURY

The purpose of this article is to analyze the principles of sentence classification. It is noted that the factors that determine the normality in improving the linguistic structure of a sentence are associated with the construction of grammatical relationships on national grounds. It is emphasized that in the morphological indicators of the parts of speech, the predominance of the national language over the foreign one, its displacement, the load of syntactic relations with the national content, in particular the control of verbs and the transformation of the given into reality and other issues, determine the stability of sentences, in particular the main members that provide the essence of the sentence, as well as minor sentences, depending on them, but helping to expand the environment of his communicative function.

*The author conducted research based on linguistic material from the 17th century. Using the **methods of comparative** analysis with the modern Azerbaijani literary language, equivalence and difference are revealed.*

The novelty of the article is determined by the fact that the inversion within the sentence is the same as in lively colloquial speech. It is noted that as a result of observing the structural semantic improvement of the sentence in the Azerbaijani literary language of the 17th century, it is also revealed that all types of sentences continue to retain their structural, as well as ethnic and cultural features.

Conclusions. As a result, it is noted that all types of complex subordinate clauses on subordinate clauses, although they are justified in the language of monuments of this period, however, the subordinate clause, addition in number, differs from others. The most important thing is that the syntax of a sentence in the Azerbaijani literary language of the 17th century does not matter that in a simple sentence or in a complex sentence, they all retain ethnic and cultural characteristics.

Studies have also determined that although several centuries separate us from the 17th century, i.e. despite the fact that enough time has passed until the 21st century, all types of sentences, divided according to the principles of classification, do not reveal any special differences in comparison with the modern Azerbaijani literary language.

Key words: offer, principles of classification proposals, the purpose and intonation, modality, articulation, the main members of the syntactic structure, morphological parameters, improvement of language and a colloquial language, normativity, semantics, literary language norm.